

которыми отсутствуют титла. По-видимому, запись следует рассматривать как уникальный «ребус» и именно в этом качестве сравнивать с грамотой. Смысл этого ребуса был некоторое время назад разгадан А. Б. Страховым, показавшим, что «пять земель», «две тьмы» и «море» отсылают к загадке из апокрифической «Беседы трех святителей», имеющей в виду евангельские пять хлебов и две рыбы (Мф. 14: 19), взятые Христом «от земли» и «от тьмы морской». В разрозненном виде загадки «Беседы» встречаются не только как книжные маргиналии. Для Новгорода древнейшим свидетельством такого их бытования является недавно прочитанное граффито XII/XIII вв. из Мартирьевской паперти Софийского собора (Гиппиус, Михеев 2013а: 80). Учитывая очевидную экстраординарность грамоты № 515, можно предположить, что она заключала в себе загадку «Беседы» о хлебах и рыбах, предложенную адресату в письме в качестве своеобразной головоломки. Также головоломкой, хотя и иного рода, является знаменитая грамота № 46 — школьная шутка. Вопросно-ответные памятники круга «Беседы трех святителей» неслучайно рассматриваются как представляющие на Руси традицию «монашеских игр» (*Joca monachorum*), см. Страхов 1998.

№ 518 (первая пол. XII в.) [Г]. Запись грамоты в издании: ...|ствъ с њѣбєсъ — требует минимального уточнения: буква после њ — не *с*, а *е*. Этим решается и вопрос о словоделении. Перед нами, несомненно, сочетание (цѣсарь)ствъє њѣбєсъ(ноє). Оно записано, вероятно, в одноеровой орфографии, если только знак, интерпретированный как њ, не является в действительности ерем с широким покрытием (засечка слева у него отсутствует).

№ 526 (2 треть XI в.; А 3) [Г]. По поводу формы *кроупѣмь* во фразе **на живот{т}тъкъ ꙗ̄: грѣ̄ кроупѣмь** в издании сказано: «Можно предположить, что здесь имеется в виду вещественная форма гривен. Вторая половина XI в. была временем обращения в Новгородской земле западноевропейской серебряной монеты — денария, который из-за его разновесности подвергался дроблению для удобства весового приема. “Крупемь”, “крупой” могли называть эти мелкие обрезки монет» (НГБ-VII: 127). А. А. Зализняк, определив форму как М. ед. прилагательного *крупыи* ‘мелкий’, первоначально перевел ‘в мелком, в мелких деньгах’ (Лингв.: 212), но в ДНД (с. 243) присоединился к трактовке издателей: ‘За Животком 2 гривны обломками [серебра]’. Оба толкования являются чисто умозрительными — никакими другими источниками использование данного адъектива и его производных для обозначения мелких денег или обрезков цветного металла не подтверждается. При этом, по верному замечанию Р. Факкани (1995: 111), форму серебряной «мелочи» занятые Животком две гривны могли иметь лишь в момент займа, что делает упоминание ее формы в долговом списке малообъяснимым: едва ли займодавец мог иметь в виду вернуть данные в долг 2 гривны в виде тех же серебряных обрезков. Как уже было сказано в комментарии к грамоте № 332, в подобных документах, помимо денежных сумм, регулярно отмечается лишь их статус в долговой операции (основной капитал или проценты); казавшийся исключением *оурѣзькъ* в грамоте № 710 трактован нами (там же) как финансовый термин, одно из обозначений недополученной прибыли.

Сомнения вызывает и синтаксический аспект интерпретации. Принимая ее, форму *кроупѣмь* приходится признать единственным в древнерусской письменности случаем свободного употребления беспредложного местного падежа не в локативном или темпоральном значениях. В берестяных грамотах такое употребление засвидетельствовано лишь примером *ѡѡрѣ соулиле* в № 820; но здесь, по-видимому, сказывается аналогия с выражениями *ходити (водити) ротѣ* (ДНД₂: 371).

Все эти трудности снимаются, если трактовать форму *кроупѣмь* так же, как два других беспредложных локатива грамоты — *Серегѣри* и *Доубровьнѣ*, то есть видеть в нем топоним: на *Животкъ 2 гривнѣ Кроупѣмь* ‘За Животком в Крупом 2 гривны’. Названия, восходящие к прилагательному *круп(ыи)*, широко представлены в топонимике Новгородской земли. Исчерпывающую сводку материала приводит В. Л. Васильев (2012: 425–426), отмечая, что практически все такие названия относятся к малым речкам и ручьям. Среди них выделяется название р. *Крупа*, левого притока Мсты, впадающего в нее выше Боровичей и давшего имя волости *Круная*,

неоднократно упоминаемой в писцовых книгах Деревской пятины. В. Л. Васильев ссылается и на грамоту № 526 — но лишь как на свидетельство употребительности прилагательного в древненовгородском диалекте. Имеет смысл, на наш взгляд, взглянуть на ситуацию иначе, предположив, что именно волость Крупая, главное поселение которой вполне могло именоваться в XI в. *Крупое*, упоминается в грамоте, открывая ту ее часть, в которой перечисляются должники, проживающие на территории будущей Деревской пятины.

№ 530 (70-е – 80-е гг. XIV в.; Г 87) [Г]. В ДНД текст грамоты передан в следующем виде: ... | **будете тобѣ** **н[ѣ]-----н[ѣ]а-и ано азъ не говору а**... Такая запись оставляет без интерпретации около пятнадцати полностью и частично сохранившихся букв, что ставит задачу более полного прочтения текста. В конце третьей строки следует восстановить прочитанную издателями последовательность **пытном**, в которой, с учетом фрагментов двух букв слева, опознается наречие [*ис*]пытно (или форма дательного или местного падежа прилагательного *испытный*).

Буква между *а* и *и* во второй строке, обозначенная в ДНД прочерком, — *с* или *е*, причем (учитывая высоту, на которую видна эта буква) более вероятно первое. Однако последовательность *неаси*, равно как и *неаеи*, не допускает перед последующим *ано* никакой правдоподобной интерпретации. Значит, какие-то из букв определены неверно. Действительно, обращение к фотографиям и оригиналу показывает, что буква, прочитанная как *а*, — это на самом деле *а*, исправленное из *л*. С другой стороны, знак, трактованный как *а* в слове *ано*, с большим основанием может быть определен как *л*. В таком случае в тексте прочитывается фраза: *а си[л]но азъ не говору*.

Говорить сильно может означать ‘браниться’, ср. *сильные выражения*; с другой стороны, не исключено, что глагол сохраняет здесь свое старое значение ‘обвинять, выражать недовольство’ (сохраняющееся в *оговорить*), а в сочетании с *сильно* означает ‘возводить произвольное обвинение, проявля самоуправство’. С этим значением хорошо сочетается появляющееся в следующей фразе *испытно*, характеризующее, напротив, обоснованное, проверенное обвинение (ср. в ПВЛ под 996 г.: *достоитъ ти казнити разбоиники, но с испытном*).

На переходе с первой строки на вторую еще раз прочитывается [*сил*]н-. Последняя буква читается неуверенно: это может быть как *е*, так и *ѣ*. В обоих случаях мы имеем дело с вариантом *сильнѣ*, представленном не только в книжных, но и в деловых текстах (ср. пример из Слов. XI–XVII, 24: 141): *поставили избу да клѣт(ѣ) силне*). Это наречие хорошо встраивается в реконструируемый текст, позволяя прочесть следующее: *Будете тобѣ: не ----- [сил]н[ѣ]. А си[л]но азъ не говору, а(зъ) [ис]пытно*. На месте прочерков естественно было бы ожидать императив *говори*, однако остатки букв после *не* препятствуют этому. Сколько-нибудь надежная реконструкция для этого места невозможна, однако заметим, что здесь могло читаться, например, подходящее по буквам *не [пыри]* — от экспрессивного *пырить*, известного в говорах в значениях ‘колоть, укалывать’ (СРНГ, 33: 196; ср. пример из Даля: *он вилами пырит в меня*; ср. там же *пырка* ‘о раздражительном, сердитом человеке’). Что же касается *будете тобѣ*, то для него хорошо подходит современное значение ‘хватит’; однако конструкция могла быть и другой, например: (*соромъ*) *будете тобѣ*. Используя первую возможность, реконструируемый текст можно перевести: ‘Будет тебе, не нападай (не горячись) сильно!’ — ‘А я «сильно» не говорю, я (обвиняю) обоснованно’. Подобно целому ряду аналогичных документов (ср. № 3, 755, 962), грамота, по-видимому, включала пересказ диалога.

№ 531 (кон. XII – 1 пол. XIII в.; Б 98) [Г]. Перевод и комментарий в ДНД₂, опирающиеся на совокупность высказанных за тридцать лет толкований этого важнейшего документа, отразили и ряд положений моего доклада, сделанного на семинаре в Институте русского языка РАН в мае 2002 г. Поскольку предложенная в этом докладе трактовка ситуации грамоты воспроизведена в книге А. А. Зализняка, ограничусь несколькими замечаниями, поясняющими ее исходные основания и уточняющими нюансы интерпретации. Для удобства приведем текст грамоты с современной пунктуацией и конъектурами (обозначены подчеркиванием):